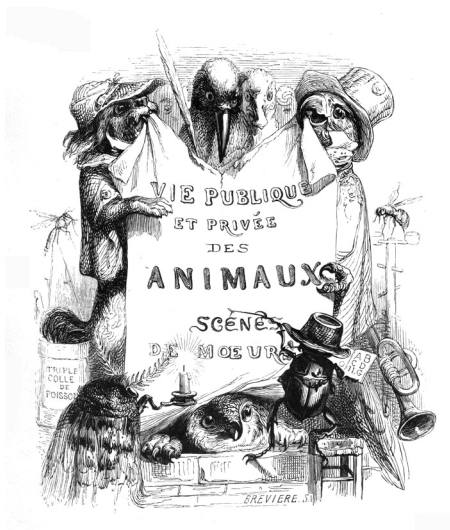

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

СЦЕНЫ ЧАСТНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХ

ЭТЮДЫ СОВРЕМЕННЫХ НРАВОВ

Перевод с французского, вступительная статья
и примечания Веры Мильчиной

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА
2025

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)52
С92

Редактор серии Л. Оборин

С92 Сцены частной и общественной жизни животных / Пер. с франц., вступ. ст. и примеч. В. Мильчиной. — 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 656 с.: ил. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-2630-0

«Сцены частной и общественной жизни животных» (1842) — знаменитый сборник, для которого тексты написали известные французские писатели, а иллюстрации выполнил замечательный рисовальщик Гранвиль. Сквозной сюжет книги — история о том, как звери собрались на свою Генеральную ассамблею и решили освободиться от власти человека, а для этого — рассказать каждый свою историю. Читателя ждут монологи Зайца-конформиста и Медведя-байрониста, Крокодила-эпикурейца и Пуделя, сделавшегося театральным критиком, английской Кошки, осужденной за супружескую измену, и французской Кошки, обманутой Котом-изменником. Имена и некоторые приметы у персонажей звериные, а проблемы, разумеется, — человеческие, те самые, которые вставали перед французами первой половины XIX века в их повседневной жизни. Это производит комический эффект, который довершают блистательные рисунки Гранвиля. Сборник подготовлен ведущим научным сотрудником ИВГИ РГГУ и ШАГИ РАНХиГС Верой Мильчиной, автором книги «Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь».

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)52

В оформлении обложки использована гравюра Эндрю, Беста и Лелюара по рисунку Гранвиля

Scènes de la vie privée et publique des animaux. Vignettes par Grandville, 1842

© В. Мильчина, перевод с французского, вступ. статья, примечания, 2015; 2025

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2015

© ООО «Новое литературное обозрение», 2015; 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Вера Мильчина. Питомцы Этцеля и Гранвиля 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

П.-Ж. Сталь. Предисловие 54

П.-Ж. Сталь. Пролог. Генеральная ассамблея Животных. 58

П.-Ж. Сталь. История Зайца, его частной, общественной и политической жизни в городе и деревне, записанная с его слов дружественной Сорокой. 89

Эмиль де Ла Бедольер. Записки Крокодила 133

Оноре де Бальзак. Сердечные страдания английской Кошки. . 144

П.-Ж. Сталь. Приключения Мотылька, описанные его воспитательницей, принадлежащей к многочисленному семейству рабочих Перепончатокрылых 171

Луи Бод. Медведь, или Письмо с горы. 194

Оноре де Бальзак. Руководство для Ослов, мечтающих выйти в люди. 208

Жорж Санд. Путешествие парижского Воробья в поисках наилучшего правления 236

Шарль Нодье. Лис, попавший в западню. 271

Жюль Жанен. Первый фельетон Пистолета 293

Оноре де Бальзак. Путешествие африканского Льва в Париж и что из этого вышло 317

П.-Ж. Сталь. К читателям 346

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<i>П.-Ж. Сталь</i> . Снова революция!	349
<i>Поль де Мюссе</i> . Злоключения Скарабея.	402
<i>Луи Виардо</i> . Топаз-портретист	434
<i>П.-Ж. Сталь</i> . Сердечные страдания французской Кошки. Киска и Детка (Вся правда о Бриске)	456
<i>Мари Менессье-Нодье</i> . Переписка Ласточки с Канарейкой, воспитанной в птичьем монастыре.	479
<i>Оноре де Бальзак</i> . Любовные приключения двух Животных, описанные в назидание Людям острого ума	505
<i>П.-Ж. Сталь</i> . Жизнь и философические мнения Пингвина. . .	547
<i>Шарль Нодье</i> . Записки Жирафы из Ботанического сада. Письмо к возлюбленному в пустыню.	585
<i>Альфред де Мюссе</i> . История белого Дрозда	599
<i>П.-Ж. Сталь</i> . Последняя глава, из которой следует, что у Животных, как и у Людей, одна революция похожа на другую	638

ПИТОМЦЫ ЭТЦЕЛЯ И ГРАНВИЛЯ

Мы окружены животными — как реальными собаками и кошками, канарейками и попугаями, словом, всеми теми, кого нынче принято именовать «домашними питомцами», так и «виртуальными» зверями из книг, мультфильмов или научно-популярных сериалов. Ежегодно свой звездный час переживает какой-нибудь зверь из восточного календаря. А есть еще животные, так сказать, фразеологические: сами того не замечая, мы постоянно употребляем в речи множество выражений типа «трусливый как заяц», «дошло как до жирафа», «кошка, которая гуляет сама по себе» и проч. Филологи и искусствоведы исследуют «бестиарий в словесности и изобразительном искусстве»¹, компиляторы составляют словари реальных и литературных животных², философы интересуются местом животного в истории философии³ и строят

¹ Конференции на эту тему регулярно проводятся в РГГУ, по их итогам выпускаются сборники статей о «риторике бестиарности» и «бестиарном коде культуры».

² Во Франции недавно вышел первый том «Словаря знаменитых котов», посвященный реальным котам (*Dictionnaire des chats illustres à l'usage des maîtres cultivés*. Т. 1. Chats réels. Paris, 2014); второй том, в котором будут собраны коты вымышленные, должен воспоследовать; вышел также и «Словарь животных во французской литературе»; в первом томе собраны обитатели воздуха и воды (*Dictionnaire des animaux de la littérature française. Hôtes des airs et des eaux*. Paris, 2015); во второй том, также еще не появившийся, войдут сухопутные звери.

³ См., напр.: Тимофеева О. Зверинец духа // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. С. 164–175; Fontenay E. de. *Le silence des bêtes. La philosophie à l'épreuve de l'animalité*. Paris, 1998.

с его помощью головокружительные антропологические и социологические концепции⁴, наконец, существует целая междисциплинарная исследовательская область, именуемая «animal studies» (или «human-animal studies»)⁵, а в ЮНЕСКО в 1978 году торжественно провозгласили «Всеобщую декларацию прав животного».

А как обстояло дело с животными в Париже в конце 1830-х — начале 1840-х годов? В домах, на улицах и во дворах их было не только не меньше, но, пожалуй, гораздо больше. Повседневной реальностью были лошади — верховые и запряженные в экипажи; разводить прямо в городе коров и свиней запретили в 1820-е годы (прежде это не возбранялось), но кроликов и домашнюю птицу в парижских дворах продолжали выращивать и позже; по улицам расхаживали (а порой даже разъезжали в экипажах) природные молочницы — козы и ослицы⁶; парижане, как и сейчас, содержали в квартирах собак и кошек, но нередко к этим привычным для нас питомцам прибавлялись постояльцы более экзотические — обезьяны, которых можно было встретить и в частных домах⁷, и на улицах⁸; возле одной из парижских застав, не случайно названной

⁴ См. раздел «Дискурсы доместикации» в «Новом литературном обозрении» (2015. № 132).

⁵ Блестящий анализ этой весьма ангажированной науки, созданной борцами за права животных, см. в статье В. Михайлина и Е. Решетниковой ««Немножко лошади»: антропологические заметки на полях анималистики» (Новое литературное обозрение. 2013. № 124. С. 322–342).

⁶ «Вот проносится роскошный экипаж, и вы устремляете любопытный взор к портъере, в надежде поймать кокетливую улыбку юной красавицы, но видите лишь очередную Валаамову ослицу, с важным и глупоудивленным видом созерцающую деревья, дома и людей. На экипаже крусеется надпись крупными буквами: «ОЧИЩЕННОЕ МОЛОКО ОСЛИЦ, ВСКОРМЛЕННЫХ МОРКОВЬЮ»» (*Майнцер Й.* Молочница // Французы, нарисованные ими самими. Парижанки. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 754; пер. С. Козина).

⁷ В повести Бальзака «Полковник Шабер» супруга заглавного героя за завтраком в роскошной столовой играет с обезьянкой.

⁸ Об обилии обезьян на парижских улицах свидетельствует Дельфина де Жирарден в очерке от 26 августа 1837 года: «Сегодня на улицах обезьян больше, чем людей. Нельзя не признать, что одеты эти господа

заставой Травли, можно было наблюдать кровавые схватки петухов, псов, кабанов и проч.

И наконец, в парижском Ботаническом саду с 1794 года существовал зверинец, где обитали самые диковинные звери и где в ночь на 13 апреля 1840 года произошло невиданное событие — состоялась Генеральная ассамблея животных, участники которой вознамерились «отыскать способы улучшить свое положение и сбросить иго Человека». Зверинец в Ботаническом саду существовал на самом деле и привлекал внимание многочисленных посетителей, как французских, так и иностранных⁹. Генеральная же ассамблея животных состоялась, разумеется, не в реальности, а на страницах книги, которая выходила,

очень прилично: одни в мундирах, со шпагой на боку, другие в красных халатах; одни в егерских куртках, другие в помещичьих рединготах. Мало того что они одеты со вкусом, — они еще и здороваются очень учтиво, а некоторые даже предъявляют паспорт; особенно хорош один, который разъезжает верхом на пуделе: к нему у нас никаких претензий. Но, с другой стороны, согласитесь, что неприятно, открыв окно, обнаружить на подоконнике совершенно незнакомую вам обезьяну; ничуть не лучше, спокойно идя по тротуару, внезапно почувствовать обезьяну у себя на плече» (*Жирарден Д. де*. Парижские письма виконта де Лоне. М., 2009. С. 162).

⁹ Некоторые описания этого зверинца приведены в кн.: *Мильчина В.А.* Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 616–624. В начале 1840-х годов интерес к этому заведению был очень велик; почти одновременно с появлением «Сцен частной и общественной жизни животных» в Париже вышли из печати сразу несколько посвященных ему книг: «Один день в Ботаническом саду» А. де Сайе (январь 1841); «Физиология Ботанического сада» Пьера Бернара и Луи Куайяка (ноябрь 1841), «Ботанический сад. Историческое и живописное описание Музея естественной истории, зверинца, теплиц, минералогических и анатомических галерей и Швейцарской долины» тех же авторов при участии препаратора Жерве и ботаника Лемау (ноябрь 1842), а также «Ботанический сад. Описание нравов млекопитающих из зверинца и Музея естественной истории» Пьера Буатара с «историческим, описательным и живописным» предисловием Жюль Жанена (январь 1842); в скобках указаны даты завершения двух последних изданий, которые, как и «Сцены», вначале печатались отдельными выпусками. Название «Ботанический сад» стало даже предметом судебного разбирательства: Жак-Жюльен Дюбоше, издатель книги Буатара, обвинил Кюрмера, издателя книги Бернара и Куайяка, в похищении у него этого названия, но суд счел, что название общественного заведения не может являться чьей-то литературной собственностью (см.: *Fuilleton du journal de la librairie*. 18 septembre 1841; 23 décembre 1841).

как это часто случалось в ту пору с объемными изданиями, выпусками (тетрадками по восемь страниц) с 20 ноября 1840 по 17 декабря 1842 года. Затем издатель составил из выпусков два толстых тома; один из них вышел из печати в декабре 1841 года, а другой — в декабре 1842 года, но на титульном листе у обоих стоит дата 1842, поэтому именно она считается годом выпуска книги под названием «Сцены частной и общественной жизни животных. Этюды современных нравов». Обложку всех выпусков украшала гравюра, которая затем была воспроизведена между страницами 30 и 31 первой части¹⁰; на ней звери-разносчики раздают другим зверям эти самые выпуски, а подпись гласит: «Вот что только что вышло из печати! Великолепные сцены частной и общественной жизни Животных». На фронтисписе первой части одни звери малюют на стене название новой книги («Сцены частной и общественной жизни Животных»), а другие его разглядывают (см. наст. изд., с. 53). Оба эти изображения, помимо прямого смысла, имеют и переносный: они указывают на книжный контекст, в котором появились «Сцены», и на издание, с которым их создатель намеревался соперничать.

Конец 1840 года, когда начали выходить «Сцены», — это время, когда во Франции получили огромное распространение иллюстрированные издания (объяснялось это и техническим прогрессом, который облегчал массовое тиражирование гравюр, и желанием издателей расширить свою аудиторию). Одним из самых удавшихся проектов такого рода были многотомные «Французы, нарисованные ими самими», которые парижский издатель Леон Кюрмер начал печатать точно так же, отдельными выпусками, в мае 1839 года¹¹. Другой молодой

¹⁰ См.: *Brivois J.* Bibliographie des ouvrages illustrés du XIXe siècle. Paris, 1883. P. 366. В нашем издании эта гравюра помещена на обложке и на с. 88.

¹¹ Подробнее об истории этого издания см.: *Мильчина В.А.* Французы, нарисованные ими самими и переведенные русскими // Французы, нарисованные ими самими. Парижанки. С. 5–40.

и амбициозный издатель, Пьер-Жюль Этцель (1814–1886), решил вступить с Кюрмером в соревнование и, по возможности, превзойти его. Об этом намерении свидетельствует композиционная схожесть фронтисписа первой части «Сцен» с фронтисписом первого тома «Французов»: если в издании Кюрмера один человек наклеивает на стену афишу с надписью «Французы, нарисованные ими самими», а толпа, изображенная со спины и, отчасти, в профиль, рассматривает эту афишу, то в «Сценах» афишку малюют обезьяна и пес, а птицы и рыбы, изображенные точно так же со спины и/или в профиль и так же задравши головы, на нее глазуют. Самым же недогадливым было адресовано продолжение подписи под вышеупомянутой гравюрой: «Вот что только что вышло из печати! Великолепные сцены частной и общественной жизни Животных. Животные, нарисованные ими самими и списанные с натуры другим. Цена всего шесть су»¹². Этим «другим» был знаменитый рисовальщик Гранвиль, о котором чуть ниже. Таким образом, у Кюрмера сами себя рисовали французы, а у Этцеля — животные¹³.

Пьер-Жюль Этцель известен прежде всего как издатель Жюля Верна; однако выпускать серию «Необыкновенные путешествия», а также многочисленные книги для юношества,

¹² Это второе название, прямо отсылающее к «Французам, нарисованным ими самими» Кюрмера, фигурирует также в рекламном проспекте «Сцен», составленном Этцелем. В дальнейшем сборник нередко так и называли: «Животные, нарисованные ими самими». Сходство названий приводило даже к смешным недоразумениям: так, «Отечественные записки» в 1841 году сообщили своим читателям о выходе в свет книги «Французы, англичане и другие животные, нарисованные ими самими» (см.: *Цейтлин А.Г.* Становление реализма в русской литературе: русский физиологический очерк. М., 1965. С. 70).

¹³ Другой, не менее, а то и более высокий образец, на который ориентировался Этцель, — «Человеческая комедия» Бальзака, издателем которой он вместе с Фюрном и Дюбоше стал в 1841 году, вскоре после того как начал издавать «Сцены». И название всей книги — «Сцены частной и общественной жизни Животных» и подзаголовков — «Этюды современных нравов» — обыгрывают названия бальзаковских циклов: в «Человеческую комедию» входят «Этюды о нравах», а открывают их «Сцены частной жизни».

принесшие ему и славу, и деньги, он стал гораздо позже, начиная с 1863 года, а перед этим успел разориться, принять деятельное участие в революции 1848 года и после прихода к власти Наполеона III эмигрировать в Бельгию (вернулся он в Париж в 1860 году, после того как император объявил всеобщую амнистию). Но в 1840 году до всего этого было еще далеко; Этцель только начинал свою издательскую карьеру¹⁴. В прошлом же у него было счастливое детство в Шартре, учеба в коллеже Станислава в Париже и обучение праву в Страсбургском университете; поняв, что родители (отставной шорник уланского полка и акушерка) живут впроголодь, чтобы оплачивать его учебу, он бросил правоведческую школу и, возвратившись в Париж, в марте 1836 года нанялся приказчиком к издателю Александру Полену. Уже в следующем году Полен сделал толкового юношу своим компаньоном, и к 1840 году на счету Этцеля был выпущенный самостоятельно «Часослов» (1837) с иллюстрациями Жерара Сегена, удостоившийся хвалебных отзывов в прессе¹⁵, а также изданная совместно с Поленом многотомная «История французов от эпохи галлов до 1838 года» Теофиля Лавалле¹⁶ (именно эту

¹⁴ Об Этцеле см.: *Parménie A., Bonnier de La Chapelle C. Histoire d'un éditeur et de ses auteurs.* P.-J. Hetzel (Stahl). Paris, 1953; *De Balzac à Jules Verne: un grand éditeur du XIXe siècle.* P.-J. Hetzel. Paris, 1966; *Pierre-Jules Hetzel (1814–1886): éditeur, écrivain, homme politique.* Paris, 1986; *Un éditeur et son siècle: Pierre-Jules Hetzel (1814–1886)* / Ed. Chr. Robin. Saint-Sébastien, 1988; *Histoire de l'édition française. Le temps des éditeurs. Du romantisme à la Belle Époque.* Paris, 1990. Т. 3. P. 210–213, 468–473; *Petit N. Éditeur exemplaire, modèle de père, héros du roman: figures d'Hetzel* // *Bibliothèque de l'École des chartes.* 2000. Т. 158. P. 197–221.

¹⁵ См., напр.: *Revue de Paris.* 1837. Т. 46. P. 351. С 1837 года Этцель выпускал религиозные книги под маркой собственной издательской фирмы, располагавшейся по адресу улица Сены, дом 33.

¹⁶ *Lavallée Th. Histoire des Français, depuis le temps des Gaulois jusqu'en 1838.* Paris, 1838–1840. Т. 1–4. Лавалле и дальше продолжал сотрудничать с Этцелем; для его следующего коллективного издания «Бес в Париже» он сочинил очерк «Допотопный Париж», где сослался на «Сцены»; о некоей допотопной рыбе там говорится: «какая жалость, что в те поры не нашлось Гранвила, чтобы описать нам сцены частной и общественной жизни этой рыбы» (*Le Diable à Paris.* Paris, 1846. Т. 2. P. 59).

книгу в конце пролога «Сцен» издатель Этцель вручает в подарок Кабану, одному из посетивших его звериных депутатов).

Но Этцель мечтал о большем. Он с самого начала сделал ставку на книгу о животных, но не сразу придумал, «под каким соусом» их подать. В его бумагах сохранились наброски, из которых видно, как он ищет формулу для рассказа о животных и прикидывает наилучший ракурс: мифологические животные (драконы, грифоны, саламандры), средневековые животные — персонажи моралистических легенд (пеликан, питающий детей своей кровью), набожные животные (ласточки Франциска Ассизского), адские животные, животные в христианском искусстве, в гербах, животные в сатирах, в философии и юриспруденции¹⁷. Все это в результате отпало, формула же была избрана смешанная: рассказ о животных, но *одновременно* — и о людях, о современной парижской жизни.

Сочиняя книгу о животных, Этцель мог опираться на множество традиций, от естественно-научной до басенной. Первая была представлена прежде всего Бюффоном (1707–1788), сочинителем многотомной «Естественной истории», которая служила современникам и потомкам источником разнообразных сведений о фауне земли и к которой авторы «Сцен» наполовину в шутку, но наполовину и всерьез неоднократно отсылают читателей. Вторая воплотилась в первую очередь в фигуре Лафонтена (1621–1695), чьи басни многократно переиздавались в течение XVIII и первой половины XIX века; последнее по времени издание басен Лафонтена вышло в 1838 году у парижского издателя Фурнье-старшего и, возможно, оказало решающее воздействие на выбор Этцелем художника для задуманной им книги: двухтомник Лафонтена 1838 года иллюстрировал не кто иной, как будущий иллюстратор «Сцен» Гранвиль. Однако на замысел Этцеля повлияли и другие, более новые традиции.

¹⁷ BNF. NAF. T. 17013, fol. 33–38 v.

Дело в том, что во Франции в конце 1830-х годов многие человеческие типы обозначались породами животных: светский модник именовался львом, его грум (мальчик, сопровождающий хозяина верхом или на задке экипажа) — тигром, дама, увлекающаяся спортом, верховой ездой или стрельбой из пистолета, прослыла львицей, а роскошная содержанка — пантерой и проч., и проч.¹⁸ Эти названия не были придуманы литераторами, но литература использовала их тем более охотно, что в этот период французских литераторов охватила своего рода «типомания»¹⁹: вслед за Кюрмером и его авторами все желали классифицировать род людской, разделять его на типы и эти типы описывать, а «звериные» метафоры предлагали уже готовую и популярную в светском обществе классификацию. Она была использована в книге, которая появилась в свет практически одновременно с первым выпуском «Сцен» — в ноябре 1840 года²⁰, хотя и с датой 1841 на титульном листе, и носила название «Парижский зверинец: физиологическая, живописная, философическая и гротескная история всех любопытных зверей Парижа и окрестностей, писанная в продолжение трудов г-на де Бюффона». Автор у этой книги был один — Луи Юар, а иллюстраторов много, причем из числа самых знаменитых тогдашних художников: Гаварни, Домье, Монье, Гранвиль.

¹⁸ Об этой моде знали и в России, и консервативный журнал «Маяк» в марте 1844 года возмущенно сообщал, что «в своенравном до безумия Париже явилась странная охота титуловать себя именами животных, называться львами, львицами, тиграми», и называл это обыкновение «гадким» (цит. по: *Цейтлин А.Г.* Указ. соч. С. 204).

¹⁹ Сатирическая газета «Шаривари» высмеяла эту манию в номере от 16 августа 1839 года; здесь описана целая толпа юных приказчиков и лавочников, «подающих прекраснейшие надежды в торговле сукном, бакалейным или скобяным товаром». Они усаживаются на бульваре и всякого увиденного ими человека превращают в «тип», о котором строчат очерк. Так рождаются на свет типы, именуемые «человек, выходящий из театра», «человек, страдающий из-за шумного соседа», «собачий парикмахер» или «чистильщик сапог»; впрочем, печатать их портреты издатели не торопятся.

²⁰ Объявлен в «Bibliographie de la France» 14 ноября 1840 года.

Книга Юара начинается с утверждения: «С некоторых пор животные у нас вошли в моду... Они заполнили не только театральную сцену, но и академический словарь и навязали свои имена самым разным классам общества [...] По странной прихоти *фешенебельное* общество заимствовало главные понятия своего языка из словаря естественной истории, причем выбрало имена четвероногих, обитающих, как правило, в самых диких пустынях»²¹. Однако «Парижский зверинец» — не единый текст, а сборник отдельных очерков; у него нет ни сквозного сюжета, ни единой системы иллюстрирования, и этим он кардинально отличается от той книги, которую в результате издал Этцель²².

Вообще животные говорящие и пишущие появлялись в литературе, разумеется, и до выхода «Сцен». Тут следует упомянуть как сугубо литературных предшественников, например роман Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» (1819–1821; фр. пер. А. Леве-Веймара, 1832)²³, так и газетно-журнальный контекст, также не чуждавшийся «очеловечивания» животных. Например, в апреле 1838 года в одной из газет в заметке «Ботанический сад» можно было прочесть следующее сообщение: «Ботанический сад в волнении: туда привезли газелей и страусов от Абд-эль-Кадера. Одна весьма красноречивая обезьяна обратилась к ним с приветственной речью, снискавшей одобрение попугаев»²⁴.

²¹ *Huart L. Muséum parisien: histoire physiologique, pittoresque, philosophique et grotesque de toutes les bêtes curieuses de Paris et de la banlieue, pour faire suite à toutes les éditions des œuvres de M. de Buffon. Paris, 1841. P. 1–2, 28.*

²² Кроме того, некоторые животные в этом «светском зверинце» имеют весьма специфическую репутацию, которую авторы «Сцен» не воспользовались; например, «медведь» здесь называется старая и неудачная пьеса, которую автор в свое время не сумел пристроить в театр для постановки и по прошествии многих лет пытается наверстать упущенное.

²³ На другое произведение Гофмана — повесть «Повелитель блох» — в одном из рассказов, вошедших в «Сцены», есть прямая ссылка (см. примеч. 491).

²⁴ *Gazette des salons, journal des dames et des modes. 30 avril 1838. P. 379.*

Наконец, обильную питательную среду для веселой, «игровой» книги о животных, похожих на людей, предоставляли фразеологизмы²⁵. Они давали почву не только для игры слов и «реализации» метафор (когда, например, в разговоре о любви кошек поминаются «кошачьи нежности», а в рассказе о бракосочетании пчел — «медовый месяц»²⁶), но и для развертывания сюжета. Так, поскольку пчелиная матка по-французски именуется *reine des abeilles*, то есть дословно королева или царица пчел, из этого выражения вырастает описание пчелиного улья как абсолютной монархии²⁷; поскольку краткое руководство по-французски называется *guide-âne*, то есть дословно руководство для ослов, этим определяется выбор осла в качестве героя рассказа «Руководство для ослов, мечтающих выйти в люди»²⁸. Наконец, наличие во французском языке выражения «белый дрозд», обозначающего редкий предмет или несбыточное условие, позволило Альфреду де Мюссе

²⁵ Словарь «звериных» идиом французского языка см. в кн.: *La Symphonie animale. Les animaux dans les expressions de la langue française*. Paris, 1992.

²⁶ Их использует Бальзак в рассказах «Сердечные страдания английской Кошки» и «Путешествие парижского Воробья в поисках наилучшего правления» (рассказ, опубликованный за подписью Жорж Санд, но в реальности написанный автором «Человеческой комедии»; см. об этом примеч. 226 к тексту «Сцен»). Творчество Бальзака вообще изобилует «звериными метафорами»; см., напр.: *Hoffmann L.-F. Les Métaphores animales dans Le Père Goriot // L'Année balzacienne-1963*, Paris, 1963. P. 91–105. Этот исследователь насчитал в «Отце Горио» 53 сравнения с животными — больше половины сравнений во всем романе, причем сравнения эти, как правило, нелестные, принижающие (отсюда, по мнению Гофмана, общая пессимистическая интонация романа). О том, что подобные сравнения у Бальзака носят порой не просто риторический характер и служат доказательствами единства человеческого и животного мира, см.: *Couleau Chr. Les animaux sont-ils des personnages comme des autres? // La Comédie animale: Le bestiaire balzacien / Sous la dir. d'A. Déruelle. Actes de la journée d'études organisée en juin 2009* (http://balzac.cerilac.univ-paris-diderot.fr/wa_files/Bestiaire-Couleau.pdf).

²⁷ См. рассказ «Путешествие парижского Воробья в поисках наилучшего правления».

²⁸ Названные фразеологизмы, так сказать, вечны, но к услугам авторов были и идиомы, принадлежащие конкретной эпохе и конкретному ремеслу: например, в том же «Руководстве» Бальзак обыгрывает типографский жаргон, на котором тискальщики называли медведями, а наборщиков — мартышками (см. примеч. 318).

представить своего героя — белого дрозда — непризнанным романтическим гением, который не находит себе подобных в окружающем мире.

Одним словом, звери просто ждали, чтобы им дали слово, предоставили трибуну; нужно было только придумать прием, «рамку». И Этцель ее придумал. Действие книги начинается и кончается в зверинце парижского Ботанического сада. В день смерти Лафонтена, ночью, благодаря ловкому Павиану, овладевшему слесарным мастерством, все звери вышли из клеток и вольеров, собрались на свою звериную Генеральную ассамблею и стали обсуждать способы освободиться от ига человека. Способов таких они не изобрели, но решили по крайней мере рассказать людям правду о себе и своих достоинствах, а для этого написать — каждый от первого лица, «во избежание лжи и клевет» — свою историю. Эти истории они вознамерились поместить в книгу, которую — «поскольку среди Животных художества и книгопечатание развиты еще недостаточно» — напечатают «господа Ж. Этцель и Полен, Люди без предрассудков», а проиллюстрирует «Человек по фамилии Гранвиль, который был бы достоин именоваться Животным, если бы время от времени не осквернял свой прекрасный талант изображением — впрочем, неизменно мастерским — себе подобных»²⁹. Этот пролог — так же как и открывающий вторую часть «Сцен» текст под названием «Снова революция!» — написал сам Этцель, взявший себе псевдоним П.-Ж. Сталь³⁰.

²⁹ Наст. изд., с. 79. Далее ссылки на настоящее издание даются в скобках в тексте с указанием страницы.

³⁰ «Сцены» стали первой книгой, где Этцель выступил как литератор под псевдонимом Сталь; под ним он печатал свою прозу всю жизнь. Псевдоним этот вызывает удивление: во Франции совсем недавно жила и работала знаменитая писательница Жермена де Сталь (1767–1817); правда, по-французски ее фамилия пишется Staël, а этцелевский псевдоним — Stahl, однако при произношении разница стирается. Тем не менее Этцель очень дорожил этим псевдонимом; в его бумагах сохранился листок, исписанный разными вариантами написания этой фамилии: Staal, Stall, Sthal, Sthaal (см.: *Parménie A., Bonnier de La Chapelle C. Histoire d'un éditeur et de ses auteurs.* P. 26).